

Воспоминания Глуховой-Басмовой Клавдии Ивановны.

Я родилась в июне 1925 г. в селе Усть-Пристань Алтайского края на слиянии Бии и Катуня. Отец, Иван Дмитриевич, был крестьянином, выработывал с сыновьями кожи и был прекрасным шорником: шил сбруи, уздечки. Все сам делал, труженик. Помню, как отец, бывало запрягал 2-колесную бричку, вся упряжь у которой была сделана им собственными руками. Мать была красивая, выше его ростом, волосищи до пят, вспыльчивая и отходчивая. Отец был золото, добрый такой. В семье родилось 9 детей, из них 5 умерло, так что под выселение подпали 3 брата, и я, младшая. Дом был крестовый с кухней, столовой и спальней. Вспоминаю кладовую: на 2 палках-вешалах висели кролик, курица, гусь, овечка, 2 скотские туши. Трудились с 4 ч. утра и до поздней ночи. Для освещения жгли лампы, на базаре покупали только сахар, все остальное было свое. Все ребята читали, в доме была библиотека. Младший брат Миша прекрасно рисовал.

Запомнилась сцена выгона. В то время я уже считала и могла осмыслить происшедшее. Ночью постучали к нам в нашу двустворчатую коричневую дверь. Бродяг в то время было много, и крючок на дверь был хороший. У крыльца было 6 ступенек, а в 1955 г. осталось только 5, одна ушла в землю. В дом зашли председатель сельсовета, женщина и другие активисты. Председатель громко кричал, чтобы скорее собирались. Они хотели выселить нас до утра, но не успели. Везли нас на телеге уже утром. Мать успела, крадучись, навздевать на себя юбок, чтобы потом перешить на платица и одежду детям. Когда средний брат Сережа взял с собой кошку, подбежал какой-то мужчина, со злобой вырвал у него из-под шубы котенка и грубо заорал: «Куда ты его берешь?!» Сергей заплакал. Мы вообще любили свою скотину.

Швейную машинку перед выселением взяла на хранение сродная сестра Катя и дала ее на время соседке. Когда все ушумкалось, Катя пошла за машинкой, чтобы продать ее и выслать нам деньги, но эта женщина машинку не отдала. Катя сказала: «Тебе это добром не обернется. Ты обидела сирот». И вправду, женщина вскоре умерла, оставив своих восьмерых детей сиротами.

Этой же ночью отец с братом Дмитрием Дмитриевичем были арестованы, и я больше никогда их не видела.

В 1946 г. я переехала из Парабельского района в Александровское, где жили мой сродный брат Павел и сродная сестра Мария, рассказавшие мне о судьбе отца. В числе сотен других он был увезен на шахты Ленинска-Кузнецка, откуда пришло письмо от товарища отца, который сообщил, что отец умер от отравления хлебом, в который был подсыпан мышьяк. Этот же человек выслал матери вещи отца. Дата его смерти неизвестна, как неизвестна и судьба не вернувшегося брата Дмитрия.

Когда увозили арестованных отца и брата Дмитрия, тот сказал отцу: «Что ты, Иван, плачешь? Не мы первые, не мы последние». Отец ответил:

«Что будет с моей Клавочкой?» Он был кудрявым, и у меня тоже были локоны, но светлее, чем у отца.

Как мы добирались до Оби, не помню. В памяти осталось, как мы выехали на Обь по пути к Парабели. Катер вез 2 баржи. За борт упал маленький ребенок. Мать бросилась за ним. Ребенка она не смогла спасти, а сама плавала на полушубке (утра были холодные). Спасли ее баграми.

Привезли нас в дикий лес в Парабельском районе. Потом это место назвали деревней Макушина. Сейчас этой деревни уже нет. Феде в ту пору было 18 лет, Сереже – лет 16. сначала сделали шалашик из березовых веток. В ту ночь, помню, мне в правое ухо залез зеленый червяк, и я ужасно кричала от боли. Наутро мать взяла у соседки деревенское масло, закапала мне, и червь вылез. Всего выкинули на берег 2 баржи людей. Была осень. Помню, целыми ночами плакала от голода. Около шалаша поспевала ягода. Ели ее и траву, которую называли дидли (борщевик, что ли). Мы жевали молодые сочные стебли. Ели еще пучки с плодами, которые казались нам вкусными. Съели все, что было поблизости и искали еще. Нас было пятеро: 3 брата, Федя, Сережа и Миша, и мама. Жизнь в бараках из памяти стерлась. В 1932 г. мать с горя заболела, ее увезли в больницу в деревню Новиково Парабельского района в 10 км. от Макушино, рядом со Старицей. Сколько она пробыла в больнице, не знаю. Однажды Сережа поехал ее проведать и вернулся поздним вечером. Я сидела одна в бараке и выглядывала в окошко. Сережа на обласке подъехал к берегу. К нему подошли женщины спросить, как мать. Он ответил: «Умерла». Вижу – по дороге бежит от берега мальчик мимо нашего барака, подпрыгивая, будто радуется, и кричит: «У Басмовых мать умерла! У Басмовых мать умерла!»

Потом решал вопрос: куда девать меня и Мишу. Сродная сестра Тоня повела нас в детдом в Новиково. Заведовал им немец Гольц, а его жена была воспитательницей. Идем в детдом, а вокруг красота, пшеница созревает. Взяла я колосок и всю дорогу жевала. К тому времени на раскорчеванной земле уже растили хлеб. А земля была, между прочим, хорошая.

Поступили мы с братом в детдом, в котором я прожила с 1932 г. по 1940 г. Брат Миша был справедлив и правдив до прямолинейности. За эту честность его и исключили из детского дома в тот момент, когда он болел дизентерией. Не помню, за что именно, но съели его поездом. Учился он прилежно, был художником. По Оби в то время плавали 2 парохода: «Тихонов» и «Маркс». Миша их лепил из глины красил и дарил мне. Он очень хорошо рисовал с натуры, был портретистом, рисовал и меня. У сродной сестры Марии до сих пор висит портрет Горького, нарисованный им красками. Я думаю, что он разоблачал воровство со стороны директора детдома, потому что кормили нас безобразно: 60 г. хлеба на день и баланда. Иногда давали пшеничную кашу, и мне однажды попался в ней лягушонок. О баланде мы сочинили стих:

Крупинка за крупинкой
Бегаёт с дубинкой.

Завшивленность была страшная, и нас стригли наголо. Ходили в платочках. Однажды в стенгазете появился стих про мальчика по кличке Бульба:

Из-за ошкура на спину
Выползает у Бульбы вошь.
Ее на тройке не догонишь
И дубинкой не убьешь.

Мальчик очень плакал. Парень был крепкий, дрался, но к нему так и пристало это прозвище.

Жена директора Гольца Фаина по кличке Ведьма Киевская была объектом ненависти. Однажды, когда я была в 5-ом классе, а начала я учиться в детдоме, мы ездили а Парабель на Олимпиаду по художественной самодеятельности и оттуда забрали 3 детей-сирот, у которых отец убил мать. Одного отправили в Дом малютки а 2 других привезли к нам. Один из них, Федя, скончался в детдоме от рук этой падлы.